

нія, еще не получившаго своего плана, хотя послѣдній отрывокъ, самый большой, до нѣкоторой степени имѣетъ законченный характеръ. Поэтому строго ученая критика и не можетъ быть приложена къ историческимъ разсужденіямъ «Войны и мира»: они стоятъ внѣ такой критики по незнакомству автора съ современнымъ состояніемъ исторической и историко-философской литературы и по своему отрывочному, мало выработанному изложенію. Тѣмъ не менѣе они подлежатъ разбору, поскольку черезъ нихъ проходитъ нѣсколько общихъ идей, и, являясь съ запоздалыми возраженіями историкамъ, гр. Толстой въ то же время рекомендуетъ нѣкоторые приемы, которые далеко не могутъ быть названы новыми. Прогрессъ науки, по его словамъ, заключается въ переходѣ отъ взгляда на исторію, какъ на продуктъ дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, къ взгляду на нее, какъ на произведеніе всѣхъ людей, иначе—къ дробленію причинъ явленій. «Тѣ новые приемы мышленія, — говоритъ графъ Толстой, — которые должна усвоить себѣ исторія, вырабатываются одновременно съ самоуничтоженіемъ, къ которому, все дробя и дробя причины явленій, идетъ старая исторія» (VI, 286). Такой переворотъ, дѣйствительно, замѣчается въ развитіи историографіи съ давняго времени, и она вполне можетъ принять тезисъ гр. Толстого, что «движеніе человѣчества, вытекаая изъ *безчисленнаго* количества людскихъ произволовъ (т. е. актовъ воли), совершается *непрерывно*» (V, 2); если хотите даже, то новѣйшая историографія именно стремится понимать явленія, подлежащія ея вѣдѣнію, «только допуская безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигая искусства интегрировать, т. е. брать суммы этихъ безконечно малыхъ» (V, 3).